

ДРАМА НА ТАГАНКЕ. ФИНАЛ?

Николай Губенко считает, что есть три Любимова. Разных.

Марина Невзорова

Скандал

КОНФЛИКТ начался с того момента, когда Юрий Петрович в письменной форме подготовил проект контракта, а повторно, проект, мы никогда его не обвиняли, что он этот контракт уже подписал, с бывшим мэром Москвы Поповым. Там было сказано: только мне, Любимову, принадлежит право увольнения и найма сотрудников и актеров; только мне, Любимову, принадлежит право привлечения участников и иностранных инвесторов и что все споры и конфликты по данному вопросу могут быть разрешены исключительно в международном суде в Цюрихе. Я позвонил Попову и сказал: «Гавриил Харитонович, это не имеет никакой законодательной основы, так как в России учреждения культуры не подлежат приватизации». Попов отдал проект контракта на экспертизу своим юристам, и они подтвердили его противозаконность. Контракт подписан не был. С того момента Губенко стал личным врагом Любимова, хотя до этого нас связывали более дружеские отношения.

Вот письмо, написанное женой Юрия Петровича из Иерусалима 27 марта 1988 года, когда труппа впервые встретилась после пятилетней разлуки со своим Учителем: «Дорогой Николай! Посылаю фотографии, сделанные нами, об одной необыкновенной встрече в Мадриде в память о любви, о честности, о достоинстве человеческом и товариществе. Надеюсь, что все будет в порядке и мы не нанесем никакого ущерба ни в чем никому. Обнимаю вас и всех своих».

В 87-м году Юрий Петрович был моим личным гостем. Не так это все было просто, как кажется сейчас. Все происходило накануне 19-й партконференции. Мне домой (!) позвонил Александр Николаевич Яковлев [я у него не раз бывал по вопросу возвращения Любимова]: «Николай, я тебя умоляю, на Политбюро стою вопрос, শেষ «за», শেষ «против», только голос Михаила Сергеевича решил в его пользу, не пускай его в театр. Это может быть не так истолковано». «Не могу, — говорю, — Александр Николаевич, ни при каких условиях не могу». «Ну пусть он как-нибудь незаметно выйдет, тихою кошачьей лапой с тобой на репетиции, он же сам говорил, что едет навещать могилы родных». В общем, ни о чем мы так и не договорились. Взял и все это на себя, и Юрий Петрович провел десять дней, не вылезая из театра, репетируя при полном зале. Теперь скажете, я, конечно, неформальный, чтобы потратить столько времени и сил на возвращение Мастера, чтобы потом со сладострастием начать уничтожать его?

Не нужно мне было художественное руководство театром. Когда умер Анатолий Васильевич Эфрос, актеры сами пришли ко мне, та же Алла Давидова, и сказали: «Коля, возьми на себя, чтобы не пришла кто-нибудь чужой». Я согласился только при условии, что мы сделаем все возможное для возвращения Любимова и восстановления его репертуара. В 89-м году мы предприняли театр и восстановленные спектакли Юрию Петровичу на Broadway: «Пожалуйста, Юрий Петрович, вы закончили в 83-м, начинайте все сначала».

И в декабре 92-го, когда водилка угроза приватизации театра, труппа пришла ко мне: «Коля, спасай». Я тогда еще был министром. Люди испугались, что их попросту вышвырнут на улицу, что и произошло в конце концов. Согласился, что актеры, отдавшие этому театру 25—27 лет жизни, в случае законодательного разрешения приватизации театра вправе были рассчитывать на участие в его акционировании. Но Юрий Петрович распорядился по-иному. 15—20 человек остаются под эгидой вновь приватизированного, а прочие, как планируются, федерализированного международного центра культуры. Они работают за границей, а московские здания отдаются пришедшим. Выручка от аренды идет в карман этой малой части труппы, которая остается под крылом Любимова, а остальные выбрасываются вон.

— Я помню, как на пресс-конференции, после инцидента 2 апреля, когда вызвали ОМОН и не пустили вас в театр, Юрий Петрович сказал: «Зря некоторые актеры восприняли демократию как анархию. В театре большинство ничего не решает, и парламент тут не годится. Забрать у меня мой театр невозможно, потому что он — авторский».

Думаю, что судьбу театра должен решить президент России Борис Ельцин, которому я очень симпатизирую. Надеюсь, что он сочтет возможным принять театр

Той Таганки, что была эпицентром духовной энергии, источником, дарующим в тяжкие времена веру, надежду, глоток свободы, нет уже давно. Отсутствие Мастера, новых театральных идей, языка превратили театр в мумию, хоть и хорошо набальзамированную. Это понимали и актеры, и сам Юрий Петрович. И потому три года назад возликовал театр, возликовала Москва: восстановленный в гражданстве главный режиссер Юрий Петрович Любимов подарил москвичам премьеру некогда запрещенного «Бориса Годунова», подарил своим актерам надежду, что для театра вновь наступает счастливое время. Отшумели праздники, истаяли восторги, и в затнувшейся тишине все больше проступал силуэт недоумения: когда же Мастер вернется, завершив начатые за рубежом работы? Время шло, Юрий Петрович ненадолго заезжал в Москву. В декабре 92-го труппу заложилорadio, пополнили слухи: Любимов собирается приватизировать театр, перевести труппу на контракты. Неясность порождает домыслы. Юрий Петрович, приехав в декабре, не пожелал объясниться. Понадобились титанические усилия, чтобы вызвать его на разговор. К сожалению, никакой ясности это не внесло, лишь стало началом тяжелого и оскорбительного противостояния Любимова и пятнадцати актеров остальной труппы. А вот что говорит Николай Губенко.

на Таганке под юрисдикцию России. Если же таким образом решить судьбу театра и прекратить скадку не удастся, я не смогу в дальнейшем оставаться в этом коллективе и покину его уже навсегда». Кажется, Юрий Петрович не только сдержал свое обещание, но и пошел дальше, применяя столь ненавистную ему тактику большевиков — тактику выжженной земли...

— Я обратился к президенту еще в самом начале конфликта. Он меня принимал по ряду вопросов Третьяковки, Большого театра и в том числе Таганки. И в результате писем, подписанных Хазановым, Калаянцем, Борисом Ефимовым, Юной Морил (всего 16 человек), решил вопрос с точки зрения здравого смысла: надо решить конфликт общим собранием, тайным голосованием. И если решение общего собрания о разделе будет принято, к сожалению, вынужден согласиться.

Мы писали Любимову письма: «Юрий Петрович, дорогой, уважаемый! Выберите новое здание, старое, Вам приоритет. Делайте все, что хотите, со своей частью труппы. Но дайте жить другим. Содружество актеров Таганки готово на основе соглашения предоставить Вам новую сцену, на которой были сделаны «Годунов», «Федра», «Живаго». Играйте. Давайте сидеть рядом и договоримся. Ни одного ответа. Ни газет, ни доски, ни куски ткани Губенковцам».

— Противостояние уже давно вышло за пределы театра, и нем активное участие принимают властные и исполнительные структуры...

— А их позиция еще более странная. Во-первых, как вы знаете, мэрия отказывается в целом выполнять бюджет города и уж тем более отказывается финансировать театр.

Министр культуры Евгений Сидоров пишет: «Министерство культуры России поддерживает преобразование Театра на Таганке в Международный культурный центр искусств и готово выступить учредителем центра, заключив трудовой договор-контракт с руководителем центра Любимовым». Здесь зажат имущественный интерес. Министерство хочет приписать себе муниципальную собственность. И, наконец, Совет Министров Федерации в мае, то есть почти спустя девять месяцев после резолюции президента: «В соответствии с поручением правительства РФ, Госкомучеством России рассмотрено материалы по Московскому театру драмы и комедии на Таганке и считает возможным в соответствии с действующим законодательством передать его в ведение Минкультуры России при условии принятия соответствующих решений правительством Москвы». Видите, чиновники сами признают, что театр — муниципальная собственность, но чтобы силовым путем решить вопрос, пытаются найти пути и незаконно передать его в федеральную собственность.

Кроме того, нам все время ставят на вид, что театру предложено три здания. Как пишет Бутов: «Комитет по культуре Москвы предлагает рассмотреть вопрос о возможном предоставлении театру Содружества для его размещения одного из следующих объектов».

Помещений кинотеатров «Украина», «Казakhstan», «Прага». Комитет готов оказать содействие в решении вопроса о передаче одного из названных объектов театру». Я бывший министр. К несчастью, я знаю, что такое «оказать содействие». Особенно сейчас. Но главное даже не это. Вот что пишет мне директор кинотеатра «Прага»: «Уважаемый Николай Николаевич! Сообщаем вам, что от председателя Комитета по культуре города Москвы Бутова не поступало в кинотеатр «Прага» никаких запросов». Такие же устные подтверждения я получил из кинотеатров «Украина» и «Казakhstan». Спрашивается, как же можно опираться как на аргумент в своих заявлениях на это якобы предложение, зная, что кинотеатры с этим не согласятся? Не говоря уже о том, что реконструкция потребует сотен миллионов

рублей и бог знает сколько времени.

— Вернемся к позиции Любимова, который в своем письме, присланном из Афины, пишет: «Нарушил мой контракт и все нормы приличия, они (актеры) фактически закрыли наш театр».

— Мы не закрывали этот театр. Юрий Петрович закрыл его в прошлом сезоне, по всей видимости, желая спровоцировать мнение властей и общественности. «Бездушное решение властей [то есть решение о разделе], которым все известно, позволило этим людям с упоением наслаждаться победой». Ну, какая же победа в несчастье и беде? У кого она может быть? У той ли, у этой ли стороны, когда люди не могут смотреть друг другу в глаза. «Существование с ними под одной крышей нашего дома я считаю невозможным». Да, это был наш дом, пока семья не распалась. Пуска Юрий Петрович не уехал в 83-м году в Англию, бросив труппу на произвол судьбы. А потом, после восстановления в гражданстве, Юрий Петрович был на протяжении трех сезонов в театре месяц, в другом одиннадцать дней, потом полтора месяца. Сейчас его труппа отправляется за границу на гастроли с «Доктором Живаго» до февраля, слав в аренду, в соответствии с договорами после решения Моссовета новое здание, которое определено нам, Колобову, театру Чехова и другим до 1 января 1994 года. Так почему же нельзя жить под одной крышей? Мы сейчас стоим с Сереей Соловьевым «Чайку». Вы ставите «Чайку» в Афинах. Чудесно. Вернется, и пусть нас расудит зритель. Но дайте нам доработать в своей профессии остаток лет. Не получится — мы сами разойдемся.

— Николай Николаевич, а как вам кажется, что движет Юрием Петровичем в этой странной, по меньшей мере, для художника борьбе с несколькими коммунально-криминальным оттенком?

— Есть несколько Любимовых. Первый с 64-го до 83-го года. Бесребреник, которому, кроме творчества, ничего не надо было. Второй с 83-го до 89-го. Этому ничего не надо было, кроме тщеславия, долларов и скандальной славы. Я встречался с французскими коллегами, которые сначала предлагали ему театр, а потом отказали. Юрием Петровичем тут же обвинил во всем французскую компартию и лично Жоржа Марше. Я встречался с итальянскими коллегами, которые намучились с ним в Болонье. Требованиями его не было конца: «Перекрасьте театр в голубой цвет». Перекрасили. «Дайте виллу в военном районе». Никого из иностранцев туда не пускали. Юрий Петровича пустым. Для «Преступления и наказания» перекрыть пожарный выход. Как нельзя! Тут же пишется письмо мэру Болоньи, что это нарушение свободы художника, что пожарник препятствует ему так же, как в тоталитарном Советском Союзе. Ну, и так далее. Такие небольшие штрихи к портрету Юрия Петровича — второго. А вспомните, какие условия он постоянно выдвигал для своего возвращения? Это звучит теперь анекдотично, но все они выполнены: «Вывести танки из Вильнюса». Вывели. «Упразднить двести статью Конституции». Упразднили. «Запретить КГБ». Запретили. «Я не вернусь до тех пор, пока эта партия будет у власти». Нет этой партии. Я уж не говорю о бытовых требованиях: вертушки, господче, квартира, кремлевка. Все условия выполнял, так что же теперь мешает Мастеру работать на Родине? Юрий Петрович — человек, природа которого постоянно меняется. Единственное, чего нет в нем как прежде, способности к состраданию к тем людям, которые дали с ним и счастье, и беду прежних лет, которые так почитали его и верили в него.

И все-таки, хотя существуют три разных Любимова, большая часть жизни связана с ним, первым, и с любовью к нему. И нынешняя скадка, боль, неприязнь не способны перекрыть той радости и счастья, которые мы испытывали когда-то, работая все вместе. Жаль, что у Юрия Петровича нет такого же ощущения.

Одн...

Фото Бориса Кауфмана (Архив НГ-фото).

